

EDN: CHQUFV
УДК 81.42

Xenophobia as Factor of Ideological World-Modeling in Digital Communication

Svetlana L. Kushneruk*

*Chelyabinsk State University
Chelyabinsk, Russian Federation*

Received 07.02.2023, received in revised form 16.03.2023, accepted 14.04.2023

Abstract. The paper upholds the socio-psychological phenomenon of xenophobia as a factor of world-modeling in digital communication. The methodology of the research draws on the advances of the linguistics of information and psychological war, discourse studies and critical linguistics. The objective of the author is to identify the key strategy and systematize the speech tactics and techniques of ideological world-modeling employed by the agents of the Telegram discourse in relation to migrant workers in Russia. The main methods are discourse analysis, contextual analysis and linguoideological analysis. Xenophobia is interpreted as a macro intension lying behind the mechanisms of meaning construal about migrant labour. It determines the choice of speech strategies and tactics. The term “discourse-world of labour migration” is introduced and considered to be a conceptually complex representational structure in the Telegram discourse. It is argued that against the backdrop of it, the macro strategy of polarization, dividing ‘US’ (locals) from ‘THEM’ (migrants), is central. The named macro strategy is specified by the second-level strategy of discrimination, employed to represent the migrant workers. The key tactics are systematized. It is proved that on the formal level, each tactic can have a variety of speech patterns. On the semantic level, they are limited by the pejorative evaluation matrices, which contribute to the negative perception of the working migrants as a social actor. The results might present interest for further investigation of hate speech in the media, and can be used to prevent the marginalization of non-dominant social groups, and the spread of hostility to outgroups in virtual communication.

Keywords: xenophobia, world-modeling, linguistics of information and psychological war, digital communication, Telegram discourse.

Research area: theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics.

Citation: Kushneruk S. L. Xenophobia as factor of ideological world-modeling in digital communication. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(6), 871–883.
EDN: CHQUFV

Ксенофобия как фактор идеологического миромоделирования в цифровой коммуникации

С.Л. Кушнерук

Челябинский государственный университет
Российская Федерация, Челябинск

Аннотация. Социально-психологический феномен ксенофобии, основанный на нетерпимости к чужому, рассматривается как фактор миромоделирования в цифровой коммуникации. Исследование проводится в русле лингвистики информационно-психологической войны с учётом достижений дискурсологии и критической лингвистики. Цель работы – выделить ключевую стратегию и систематизировать речевые тактики и приёмы идеологического миромоделирования, осуществляемого в отношении трудовых мигрантов в телеграм-дискурсе. Используются философские, общенаучные и специальные методы. Основным дисциплинарным методом является дискурсивный анализ, дополнительно привлекаются контекстуальный и лингвоидеологический анализы. Ксенофобия интерпретируется как макроинтенция, приводящая в движение механизмы конструирования систем значений о трудовых мигрантах, что находит отражение в выборе речевых стратегий и тактик. Обосновывается понятие дискурсивного мира трудовой миграции как репрезентационной структуры в телеграм-дискурсе. Утверждается, что в её пределах формируется линия смыслогенерации, отграничивающая «своих» от «чужих», и это выводит на первый план макростратегию поляризации. Доказывается, что прагматическое фокусирование на трудовых мигрантах предопределяет тактико-стратегический арсенал второго уровня. Стратегия дискредитации признана ведущей в репрезентации социального актора. Систематизированы ключевые тактики её актуализации: создание отрицательного образа мишени, утверждение неполноценности мишени, разоблачение моральных недостатков мишени, «навешивание» ярлыков, обвинение мишени в отрицательном влиянии на общество. Доказано, что в плане выражения приёмы реализации тактик отличаются многообразием речевых форм. В плане содержания они получают ограничение пределами пейоративно-оценочных матриц, что способствует негативному восприятию иностранных специалистов. Результаты исследования представляют интерес для дискурсологии, политической лингвистики, медиалингвистики, могут использоваться для предотвращения маргинализации недоминантных социальных групп, а также упреждения распространения неприязни к экзогруппам в виртуальной среде.

Ключевые слова: ксенофобия, миромоделирование, лингвистика информационно-психологической войны, цифровая коммуникация, телеграм-дискурс.

Научная специальность: 5.9.8 – теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Цитирование: Кушнерук С. Л. Ксенофобия как фактор идеологического миромоделирования в цифровой коммуникации. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(6), 871–883. EDN: CHQUFV

1. Введение: постановка проблемы

Цифровизация существенно меняет характер коммуникации между людьми. С одной стороны, открываются возможности, обусловленные техническими новациями, множатся виртуальные площадки для обнародования мнений и оценок. С другой, практически беспрепятственное вхождение пользователей в любые комьюнити, отсутствие цензуры и мнимое чувство безнаказанности в виртуальной среде способствуют распространению ксенофобии. Понятие раскрывается так: «болезненный, навязчивый страх перед незнакомыми лицами»; «ненависть, нетерпимость к чему-н. чужому, незнакомому, иностранному» (<https://slovarozhegova.ru>).

Как социально-психологическое явление ксенофобия основана на боязни утратить индивидуальность, безопасность, комфорт в коллективе людей, близких по этнической принадлежности, профессиональной деятельности, религиозным воззрениям, социальному статусу и др. Страх лишиться национальной и культурной идентичности возводит стену между «своими» и «чужими». Те, кто не «вписывается» в рамки принятых норм и традиций, воспринимаются враждебно.

Актуальность избранной темы определяется тем, что все виды ксенофобии несут деструктивный заряд. В последнее время в интернет-пространстве культивируется нетерпимость к экзогруппам, что разжигает национализм, экстремизм и иные радикальные идеологии. По этой причине важно понимать механизмы её активации средствами языка, ведь именно им принадлежит ведущая роль в формировании дискриминационной ненависти к индивидам и группам.

Настоящее исследование направлено на изучение видового феномена – мигрантофобии как фактора идеологического миромоделирования. Согласно официальным данным, в 2022 г. в России зафиксировано более 3 млн иностранных специалистов (<https://www.vedomosti.ru/society>), преимущественно из Средней Азии (Узбекистана, Таджикистана, Киргизии) и Кавказа.

Решение экономических вопросов ресурсами трудовых мигрантов является традиционным как для нашей страны, так и для других государств. Во всех случаях это сопряжено с обострением социальных проблем и кризисами, что стимулирует появление антимиграционных нарративов (Colombo, 2018; Corbu, Buturoiu, Durach, 2017; Krzyżanowski, Triandafyllidou, Wodak, 2018), способствует укреплению негативных стереотипов об аутгруппах (от англ. *out-group* – чужие, чужаки) и рассматривается сквозь призму языка вражды (Burnap, Williams, 2015; Davidson et al., 2017; Sindoni, 2018).

В отличие от перечисленных, автор настоящей работы обращается к тому, каким образом социальный феномен ксенофобии порождает, является движущей силой и находит воплощение в концептуальных моделях цифровой реальности в результате миромоделирования. **Цель** исследования – выделить ключевую стратегию и систематизировать речевые тактики и приёмы идеологического миромоделирования, осуществляемого в отношении трудовых мигрантов в телеграм-дискурсе.

2. Теоретико-методологические основы исследования

Методология исследования складывается с опорой на достижения лингвистики информационно-психологической войны и теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования, а также зарубежной и отечественной дискурсологии и критической лингвистики.

2.1. Лингвистика информационно-психологической войны

Информационно-психологическая война похожа на радиацию – она практически не ощущается, но её излучение вызывает необратимые политические последствия. Масштабные протесты новейшей истории (Украина 2014 г., Белоруссия 2020 г. и др.) убеждают в том, что склонение людей к беспорядкам в офлайне осуществляется онлайн. Умелая селективная подача информации в социальных медиа предшествует

«горячим» конфликтам (Budaev, Kushneruk, Kurochkina, 2022). Модераторы играют роль политтехнологов, которые предлагают «версии» происходящего, дают оценки и в конечном счёте провоцируют людей к агрессивным действиям.

Осмысление этих и смежных проблем филологами Красноярской лингвистической школы, созданной А.П. Сквородниковым, приводит к обоснованию самостоятельного научного направления – **лингвистики информационно-психологической войны** (далее лингвистики ИПВ), объектом которой выступает язык как средство осуществления информационного противоборства (Linguistics ..., 2017, 2019, 2020, 2021).

В терминологическом плане **информационно-психологическая война** понимается как «противоборство сторон, которое возникает из-за конфликта интересов и/или идеологий и осуществляется путём намеренного, прежде всего языкового, воздействия на сознание противника (народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения, а также посредством защиты от такого воздействия» (Linguistics ..., 2017: 13).

После выхода в свет программных публикаций (Kopnina, Skovorodnikov, 2016; Linguistics ..., 2017; Skovorodnikov, Kopnina, 2016, 2016a), в которых раскрыто содержание ключевых терминов (*субъект, объект, мишень, операция, оружие, стратегия, тактика, технология*), отмечается усиление интереса учёных к феномену информационного противостояния. Формируется круг смежных понятий, описывающих составные элементы ИПВ и способы информационного противоборства в различных коммуникативных практиках (*информационная атака, постправда, фейк, дезинформация* и др.).

Углубляются представления об аспектах исследования ИПВ с учётом когнитивно-семантических, аксиологических, культурных, социальных, коммуникативно-прагматических, идеологических особенностей объективации явления (Bernatskaya, 2017; Devyatiyarov, 2022; Zamaldi-

nov, 2020; Kushneruk, 2023; Nikiforova, 2022; Khabarov, 2022; Khabarov, Chudinov, Yan, 2022). За разнообразием существующих публикаций лежит принципиальное единство понимания ИПВ как дискурсивного феномена.

Методологическая неоднородность и терминологическая вариативность «молодого» научного направления (Kushneruk, Chudinov, 2019) не препятствуют прогрессии двух траекторий. **Коммуникативно-прагматический** уклон предполагает изучение явления в единстве коммуникативных, прагматических и функциональных факторов (Skovorodnikov, Kopnina, 2022). **Когнитивно-коммуникативный** центрируется вокруг того, что структуры сознания и структуры языка находятся в активном взаимодействии, а коммуникация в обязательном порядке опосредована ментальными процессами участников и обусловлена их опытом во внешней среде (Kushneruk, 2022).

Отталкиваясь от этого, полагаем, что свободный доступ к ресурсам цифровой коммуникации обеспечивает исключительные возможности для изучения ментально-языковой специфики конструирования социально-значимых дискурсивных практик, в числе которых вопросы трудовой миграции. Считаем, что распространение ксенофобии в интернет-сообществах может превратиться в технологию ИПВ, объектом которой выступает сознание подписчиков, мишенями – разные стороны дискредитируемого социального явления. В настоящем исследовании обсуждается, что такой мишенью нередко оказываются трудовые мигранты, приезжающие в Россию на заработки.

В практической части будет показано, благодаря каким стратегиям и тактикам в телеграм-дискурсе конструируется реальность, наносящая урон репутации названного социального актора. Поскольку ксенофобия рассматривается как фактор идеологического миромоделирования и изучается с учётом когнитивно-дискурсивных аспектов репрезентации, необходимо обратиться к этой стороне вопроса.

2.2. Понятие идеологического миромоделирования

Исследование дискурсивной репрезентации действительности в интересах социальных групп, навязывающих предвзятое восприятие других групп и обществ, приобретает идеологический вектор в результате интеграции достижений лингвистики ИПВ и теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования (URL: <https://discourseworld.ru>). Двуетное терминосочетание указывает на то, что когнитивный аспект миромоделирования соотносится с ментальными процессами смыслопроизводства, дискурсивный связан с актуализацией знаний и представлений в конкретных речевых практиках с учётом широкого социального контекста.

В общетеоретическом плане наиболее значимыми публикациями для разработки теории миромоделирования являются идеи Р. де Богранда, Т. А. ван Дейка, Дж. Лакоффа, Р. Лангакера, Ч. Филлмора, Ж. Фоконье. Их объединяет понимание того, что ментальные процессы лучше всего можно понять «в терминах репрезентационных структур, характеризующих разум человека, и тех процедур, которые касаются этих структур и с ними производятся» (Thagard, 1996). В частном отношении ключевые послышки обнаруживаются в социокогнитивной теории дискурса (Van Dijk, 2016), критической лингвистике (Wodak, 2006), когнитивной лингвистике (Boldyrev, 2013), теории текстовых миров (Gavins, Lahey, 2016; Ogneva, Stepanova, Chikovani, 2022).

В целях исследования ксенофобии как фактора миромоделирования выработано понимание того, что в дискурсе объективируются репрезентационные структуры, которые направляют восприятие и оценки людей, формируют убеждения и определяют общественное мнение. Социальная реальность представлена в сознании в виде когнитивных репрезентаций, в дискурсе она оязыковлена совокупностью средств текстуальности.

Миромоделирование – структурирование информации об окружающей действительности, производимой и воспро-

изводимой в дискурсе, которое приводит к образованию репрезентационных структур. Под идеологическим миромоделированием автор подразумевает такое форматирование информации в дискурсе, которое устанавливает связь между объектами репрезентации (индивиды, группы, события, ситуации, явления) и идеологией, кристаллизующейся в политических, правовых, этических, религиозных и иных квантах смысла, что способствует объяснению явлений в желательном для агента направлении и формированию идеологизированного мировидения (Kushneruk, 2023: 111).

Пользуясь возможностями цифровизации, модераторы, контролирующие дискурс и имеющие над ним власть (Van Dijk, 2014: 54), конструируют «версии» реальности, что приводит к закреплению определённых представлений и способствует стереотипному восприятию тех или иных сторон общественной жизни. Ниже будет доказано, что создаваемые в виртуальном дискурсе оценочные «матрицы» трудовой миграции основаны на ксенофобии. Это определяет специфику **дискурсивного мира** как функционирующей в телеграм-пространстве репрезентационной структуры, которая кодируется модераторами и декодируется подписчиками каналов и реконструируется на основе анализа совокупности текстов, объединённых соответствующей темой.

3. Материалы и методы

В цифровой среде появляются инновационные дискурсивные форматы. Особой продуктивностью отличается Telegram, первоначально кросс-платформенный мессенджер, который в 2021 году был переведён в список реестра социальных сетей (<https://vc.ru/social/322180-telegram-stal-socsetyu-cto-eto-znachit>). Новая виртуальная реальность, телеграм-дискурс, представляет собой совокупность полисемиотических произведений, связанных в содержательно-тематическом, коммуникативно-прагматическом и/или функционально-целевом планах и получающих распространение по каналам Telegram (Budaev, Kushneruk, Kurochkina,

2022). Заверения разработчиков в высокой степени защищённости личных данных стали причиной того, что многие российские сообщества выбрали платформу для обсуждения острых социальных вопросов. В этих условиях проблема трудовой миграции получает более откровенное по сравнению с мейнстримом звучание.

Материалом для исследования послужили примеры, отобранные по ключевому слову *мигрант* из телеграм-каналов, общим количеством 720 контекстов с 2019 по 2023 год. Достижению цели исследования служит взаимодополнение философских, общенаучных и дисциплинарных методов. Уточнение теоретических понятий осуществляется благодаря методу рефлексии. Для выявления проблемной социальной области в телеграм-дискурсе используется метод наблюдения, для реконструкции репрезентационной структуры – метод моделирования. Дискурсивный анализ является основным дисциплинарным методом, позволяющим сосредоточиться на феномене ксенофобии с учётом социальных, культурных, языковых и прагматических факторов. Поскольку изучение ключевого слова *мигрант* в речевых условиях углубляет понимание того, какой вклад семантические и экспрессивно-эмоциональные свойства актуализируемой единицы вносят в характеристику социального актора и какова их роль в репрезентации явления, применяется метод контекстуального анализа. Метод лингвоидеологического анализа используется для изучения проявлений ксенофобии как фактора формирования дискриминационных смыслов в отношении трудовых мигрантов.

4. Результаты и дискуссия

Ксенофобия рассматривается как макроиntenция, реализуемая в телеграм-дискурсе, приводящая в движение механизмы конструирования систем значений о трудовых мигрантах, что находит отражение в выборе речевых стратегий и тактик. Понятия связаны родовидовыми отношениями. Под речевой стратегией понимается общее направление организа-

ции речи и планируемый эффект коррекции или изменения модели мира адресата (Ruzhentseva, 2004: 181). Речевая тактика соотносится со средствами, приёмами, речевыми действиями (одним или несколькими), способствующими реализации стратегии (Issers, 2008; Linguistics ..., 2017; Ruzhentseva, 2004). Кроме того, мы разделяем мнение о возможности признать речевыми тактиками «те речевые действия, в названии которых отражено их иллокутивное либо перлокутивное предназначение» (Issers, 2008: 104).

В терминах лингвистики ИПВ трудовые мигранты как социальная группа представляют собой мишень. Чтобы утверждать, что агент телеграм-дискурса (модератор канала) является исполнителем (актором) ИПВ, обозначим релевантные критерии. Ими, с нашей точки зрения, в несколько модифицированном виде можно считать те, которые в своё время выделил А.П. Сковородников: 1) преобладание негативно-оценочной информации об одной и той же мишени; 2) направленность информации на дискредитацию, то есть умаление достоинств мишени; 3) регулярность и длительность публикаций с такой информацией; 4) регулярное или постоянное отсутствие позитивно-оценочной информации о мишени (Linguistics ..., 2017: 68).

Конечно, не все материалы, размещённые в Telegram, свидетельствуют об ИПВ. Это объясняется тем, что критика недостатков, которые действительно имеют место в жизни и связаны с мигрантами, является регулярной. В постах также засвидетельствованы нейтральные оценки трудовых мигрантов. Несмотря на это, в дискурсивном мире трудовой миграции как реконструируемой по текстовым данным репрезентационной структуре формируется линия смыслогенерации, в основе которой лежит стремление отграничить «своих» от «чужих» (Van Dijk, 2000). Она определяет характер организации дискурса и выводит на первый план стратегию поляризации (её также можно назвать *общей, генеральной, суперстратегией*) (Linguistics ..., 2017; Issers, 2008). Это, в частности, проявляется

в том, что концептуальное пространство дискурсивного мира пронизано и структурировано векторами регулярных противопоставлений *россияне* («свои») – *трудовые мигранты* («чужие») по параметрам:

а) этнической принадлежности (русский – нерусский/мигрант) и количеству (один – много). Ср.: *русский парень остановил грабителей-мигрантов; толпа мигрантов забила русского парня; толпа мигрантов набросилась на отдыхающих, двоих русских парней порезали*; б) месту проживания (житель города – приезжий). Ср.: *В [название города] иностранные специалисты из Средней Азии жестоко избили местных жителей* (11.09.22); *Трое пьяных специалистов из Средней Азии ... начали домогаться к местным девочкам-подросткам* (6.07.22); *В [название города] местные жители поймали и чуть было не линчевали педофила-мигранта* (5.05.22); в) оценке поведения (культурный – бескультурный). Ср.: *«Как же задолбали эти дикари. Каждый день что-то подобное, мало того, что их дети вести себя не умеют, от слова «совсем», так ещё и взрослые туда же. Пусть к себе в аулы едут и ведут себя там так, если так принято у них. А в гостях, будьте уж столь добры, ведите себя соответствующе!» – негодуют местные жители* (18.08.22).

Важную роль в создании контраста между двумя социальными акторами играет выбор лексико-семантических средств. Пейоративные смыслы, содержащиеся в денотативном и коннотативном компонентах значения, приписываются трудовым мигрантам. Ср. выше глаголы *забивать, набрасываться, порезать, избить, домогаться, задолбать*. Обращает на себя внимание, что в репрезентации местных жителей ключевая роль принадлежит эвфемизации. Ср.: *Покупатель, ставший свидетелем преступления, не прошёл мимо и несколькими точными ударами обезвредил воров* (21.05.22). Вместо *избил* используется эвфемистический оборот, содержащий глагол *обезвредил*. *Подрались [трудовые мигранты] с покупателями, которые попытались их интеллигентно усмирить* (23.06.22).

Вместо *накричать* (разг. сниж. *наорать*) используется лексема *усмирить* с наречием *интеллигентно*, что подчёркивает стремление представить действия жителей в рамках культурных норм и правил.

Легко заметить, что поляризация как стратегия макроуровня по-разному реализуется в зависимости от направленности на социального актора. Она воплощается в стратегии дискредитации по отношению к трудовым мигрантам. Параллельно осуществляется стратегия одобрения, центральная для репрезентации местных жителей. По причине ограниченности рамок статьи мы фокусируем внимание на первой. В силу большого контекстуального объёма будем приводить наиболее показательные примеры.

Стратегия дискредитации осуществляется рядом речевых тактик, которые позволяют выявить нюансы смыслопроизводства в общей картине дискурсивного мира. Подчеркнём, что речевые тактики могут быть прямыми (непосредственно говорить то, что имеется в виду), косвенными (имплицитированная дискредитация посредством неявных способов оценки), оказывать эмоциональное и рациональное воздействие. Отметим также, что тактики варьируются в пределах смыслового инварианта, что раскрывается в системе приёмов.

Тактика создания отрицательного образа мишени. Суть тактики заключается в манифестации негативных смыслов посредством прямых и косвенных утверждений о мишени в связи с совершением преступлений, причастности к нелегальной деятельности отдельных лиц, семей, групп. Прямая реализация тактики, как правило, осуществляется в контекстах, имеющих указание на жертвы мигрантского произвола (через референцию имён и именных групп), которыми выступают местные жители.

Приём подачи фактов о преступных действиях мишени: *...мигранту приглянулся смартфон местного жителя и он его убил* (27.12.22); *иностранец напал на девушку* (17.01.23); *русского курьера избили «блогеры» из Средней*

Азии (25.12.22); **трудолюбивый строитель из Узбекистана забрался в частный дом, чтобы убить и ограбить своих бывших заказчиков** (27.12.22); **Семью наркокурьеров из Средней Азии, которые привезли крупную партию наркотиков, задержали** (11.01.23).

Приём концентрации негативно оцениваемых фактов о мишени: *Совсем недавно мы рассказывали, как в [название города] повара из Средней Азии заразили местных жителей гепатитом А. В конце прошлого года мигранты вызвали вспышку менингита в [название города]. До этого мы писали про рост заболеваемости сифилисом в [название города], основными переносчиками которого врачи считают гастарбайтеров* (25.01.23).

Приём указания на причину социального неблагополучия, ставшего результатом деятельности мишени: *Владелец популярной шаурмачной [фамилия] заразил не менее 12 посетителей кишечной палочкой из-за больных мигрантов, которые у неё работают* (20.01.23). *В [название города] вспышка кори, которую в регион завезли мигранты из Средней Азии* (18.01.23). *В [название города] началась вспышка менингита из-за мигрантов* (19.12.22).

Приём указания на агрессивное поведение мишени: *Мигранты ведут себя агрессивно, происходят постоянные стычки с местными жителями* (10.01.23); *трудолюбивые водители-мигранты агрессивно требуют наличную оплату проезда* (3.01.23).

Приёмы косвенной реализации тактики также имеют широкое распространение в телеграм-дискурсе. Они не противоречат закону и вместе с тем «работают» на создание негативного группового образа. Такие примеры обнаруживаются в тех случаях, когда в пространстве дискурсивного мира профилируется образ компетентных органов (в том числе имплицитно), в частности полиции (ср. ниже *поймали, накрыли, задержали*).

Приём подачи фактов о причастности мишени к деятельности вне закона: *В [название города] поймали студента из Сред-*

ней Азии с 3 кг наркотиков (20.01.23). Приём развенчания криминальной деятельности мишени: *Притон с проститутками-трансгендерами из Средней Азии накрыли в центре [название города]* (8.01.23); *задержали многонациональную банду, которая занималась легализацией мигрантов* (3.01.23).

Все последующие тактики детально насыщают общий портрет мишени, создаваемый в дискурсивном мире.

Тактика утверждения неполноценности мишени. В основе тактики – демонстрация упрощённого понимания представлений о жизни, культуре, интеллектуальных способностях мишени (ср. *пещерный многонационал, пещерные дикари* и др.).

Приём указания на недостаток интеллектуальных способностей: *Меньше таких случаев не становится, пещерные многонационалы абсолютно необучаемы* (1.03.21); *[фамилия] не кидался словами на ветер, а методично выписывал билет в один конец всем бородатым зайцам, которые по своей тупости не успевали сдать федералам* (15.02.21).

Приём развенчания недостатков поведения: *В вагоне метро несколько пещерных многонационалов кричали, приставали к девушкам* (15.11.21); *пьяный кавказец устроил дебош и начал бросаться на людей в Макдональдсе* (20.02.22). *Азербайджанцы зарезали барана прямо во дворе жилого дома. <...> дикари совершают кровавые жертвоприношения прямо в наших городах* (20.11.19).

Приём уничижительного сравнения с животными: *По многонациональным дегенератам можно и нужно изучать психологию простейших организмов* (25.10.20). *[Название учреждения] отправил табун мигрантов, чтобы они затоптали снег на спортивной площадке* (12.02.22); *15 тысяч голов гастарбайтеров для [название города] это много* (4.11.22); *...открыли хостел, который вмещает 700–800 голов мигрантов* (20.08.22).

Тактика разоблачения моральных недостатков мишени. Основана на выявлении «подлинного лица» индивидов.

Приём разоблачения истинного отношения к воспеваемым культурным ценностям (уважение к старшим): *...водитель культурно обогатил всех пассажиров маршрутного автобуса. Пожилая женщина, которая по возрасту годится в матери водителю с гор, сделала ему замечание, потому что тот разговаривал по телефону во время движения. На что получила порцию трёхэтажного мата в рамках всем известных древних и красивых традиций уважения старших* (6.12.22). *Кавказец достал пистолет и избил пенсионера за просьбу переставить машину, которой он перегородил выезд со двора. <...> абрек ущемился и продемонстрировал свои древние и красивые традиции уважения старших. Пещерный многонационал достал пистолет и направил его в сторону деда* (20.08.22).

Приём разоблачения истинного отношения к женщине: *Контролёр потребовала оплатить проезд, но в ответ получила только оскорбления, один из дикарей даже ударил женщину. Хорошо, что нашлись русские мужчины, которые заступились за неё и дали отпор* (20.12.21). *Сейчас матери полицейского поступают угрозы физической расправы. [Инвектива] как всегда воюют с женщинами, больше они ни на что не способны* (13.01.21).

Тактика «навешивания» ярлыков. Ведущую роль играют этнофолизмы (*многонационал, джамшут, гастеры*) и различные группы инвективных средств, содержащих в семантике экспликацию намерения унижить и оскорбить достоинство.

Приём использования слов и словосочетаний, обозначающих социально осуждаемую деятельность (*бандит, мошенник, жулик, убийца*). Ср.: *многонациональная банда мошенников-вонючек вымогает деньги у туристов* (14.09.22). *История студента, который получил пулю за то, что пытался вернуть свои деньги у многонациональных мошенников, заиграла новыми красками* (9.06.20).

Приём использования негативно-оценочных окказиональных каламбурных образований (*авто-быдло, абу-бандит, ал-*

коборз): *Когда авто-быдло остановили, он начал оказывать сопротивление* (8.06.21). *Задержан абу-бандит, который сбил пешеходов* (31.01.23). *Катаясь по городу в пьяном виде, алкоборз не справился с управлением и улетел в тупик* (6.09.21).

Приём использования сленга: *Горные кайфарики специально нарушают законодательство РФ, а потом ещё выкладывают все в инсту* (6.08.20). *Кайфарик [имя] задержан после трёхчасовой погони* (3.10.19).

Приём использования слов с резко отрицательной негативной окраской, составляющей смысл их употребления: *ремонт в муниципальном детском саду делали рабы из Узбекистана* (21.01.23). *Лоббисты завова рабов всегда будут рассказывать сказки про нехватку трудовых ресурсов* (16.02.22); *дикари чувствовали своё численное превосходство* (24.01.23).

Приём использования зоосемантизмов (*свинья, скотина*): *очевидно, что они нацистские свиньи, которые ненавидят русских, но при этом едут в наши города* (24.01.23).

Приём использования глаголов с семантикой «осуждения» (*докапываться, накачаться, хапнуть*): *...до парня докопались только потому, что он русский* (24.01.23).

Приём использования просторечно-бранных слов, содержащих в своём значении резкое осуждение (*гадина, мразь*), а также сквернословия. По этическим соображениям примеры приводить не будем.

Тактика обвинения мишени в отрицательном влиянии на общество. В основе апелляция к представлениям о стрессогенном воздействии мигрантов на свою культуру, общество в целом и его отдельные сегменты.

Приём указания на нецивилизованность культуры мишени и «опасные» обычаи: *Они уехали из своих грязных, нищих кишлаков, где президент «Джамшут», сюда, в цивилизацию, но не для того, чтобы самим стать людьми, а чтобы грязные кишлаки были уже здесь у нас* (29.01.20); *... отгуляли свадьбу любители гнилых помидор. Разумеется, гуляли общественно-опасным способом. Выезды на встречу,*

езда задом. Это один из многих **многонациональных обычаев**, без которых все мы станем культурно беднее (1.03.21).

Приём нагнетания отрицательных оценок влияния культуры мишени на «свою» культуру, содержащихся в высказываниях учёных, чья точка зрения приводится: **Социолог считает, что государство утратило контроль за ростом числа мигрантов, а дальнейшее игнорирование этой проблемы может привести к изменению этнической и демографической ситуации в обществе: иностранцы начнут прививать российской культуре свои нормы и правила и вытеснять коренное население** (27.12.22).

Приём привлечения сторонних источников для утверждения враждебности мишени: **На сайте для домохозяек [название] развернулась показательная дискуссия. Мигрант (судя по комментариям, из Азербайджана), приехавший к нам в страну и ненавидящий русских, и вообще всё русское, предлагает застраивать [название города] мечетями и избавлять от «русско-го архаизма»** (27.06.21).

Приём указания на выгодоприобретения мишени за счёт российского государства (в виде социальных льгот и рабочих мест). **Мигранты с лёгкостью получают и даже покупают гражданство, не владея русским языком, а затем пользуются щедрыми госпрограммами... Мигранты привозят с собой семьи и получают соответствующие социальные выплаты. <...> они берут деньги из нашего кармана** (11.01.23); **...из системы здравоохранения целенаправленно выдавливаются местные сотрудники и заменяются на иностранных специалистов из Средней Азии** (16.01.23).

Приём указания на деградацию городов как результата деятельности мишени: **первый российский наукоград постепенно превращается в мигрантское гетто. В городе почти треть – приезжие из Средней Азии** (11.01.23).

Приём обвинения мишени в попытках захвата власти: **В маленьких городах [названия] вообще творится беспредел, судя**

по всему, этнические преступные группировки <...> там вторая власть, если не первая (10.01.23); **мигранты пытаются подменить собой правоохранительную систему** (16.01.23). **Мечеть давай! Средняя Азия приняла в годы ВОВ [число] миллионов русских и отдавала им свои дома, [число] воевавших на фронте в годы ВОВ были из Средней Азии! Президентом должен стать Джамиут!** (29.01.20).

Признавая, что список речевых тактик и приёмов принципиально открыт, отметим, что в процессах и результатах миромоделирования в телеграм-дискурсе о трудовых мигрантах обнаруживаются признаки ксенофобии, которая находит выражение в актуализации смыслов, подрывающих авторитет и репутацию социального актора.

5. Заключение

Настоящее исследование выполнено в русле лингвистики ИПВ с учётом методологии теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования. Анализируя контексты из открытых интернет-источников, автор не занимает чью-либо сторону, но стремится максимально объективно описать прагматический аспект идеологического миромоделирования в сегментах виртуальной коммуникации, обращённых к одной из значимых проблем российского общества. Ксенофобия является фактором идеологического миромоделирования в цифровой среде. Её проявления обнаруживаются в дискурсивном мире трудовой миграции как модели, реконструируемой по материалам телеграм-дискурса. Концептуальное пространство дискурсивного мира организовано векторами противопоставлений «свои» (россияне) – «чужие» (мигранты), что выводит на первый план макростратегию поляризации.

Специфика репрезентации трудовых мигрантов позволяет выделить манипулятивно-воздейственный арсенал второго уровня – стратегию дискредитации с ключевыми тактиками, отражающими иллюкутивное назначение, – создание отрицательного образа мишени, утверждение неполноценности мишени, разоблачение

моральных недостатков мишени, «навешивание» ярлыков, обвинение мишени в отрицательном влиянии на общество. Они, в свою очередь, объективируются приёмами, которые в плане выражения отличаются многообразием речевых форм, а в плане содержания получают ограничение пределами пейоративно-оценочных матриц, что способствует одностороннему восприятию социального актора.

Полученные результаты представляют интерес для дискурсологии, лингвистики ИПВ, интернет-лингвистики. Какие бы благозвучные цели ни маскировали предвзятость в относительно свободной от цензуры

телеграм-коммуникации, избавиться от социальных патологий, вызванных экономическими, культурными, политическими и иными причинами, можно только через совместный конструктивный вклад разных специалистов. В решении этих вопросов заинтересованы как государственные службы, так и обычные граждане, которые являются активными потребителями цифрового контента. Дальнейшее исследование поднимаемых вопросов может оказаться полезным для предотвращения маргинализации недоминантных социальных групп, взаимодействующих с доминантными на межкультурной основе.

Список литературы / References

Bernatskaya, A. A. Povest' E. G. Vodolazkina «Blizkie druz'ya» v lingvoideologicheskom rakurse [Vodolazkin's novel "Close Friends" from a linguoideological perspective]. In *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of language and communicative practice]. 2017, 3, 128–145.

Boldyrev, N. N. Aktual'nye zadachi kognitivnoy lingvistiki na sovremennom etape [On the integrative theory of linguistic representation of knowledge]. In *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics]. 2013, 1, 5–13.

Budaev, E. V., Kushneruk, S. L., Kurochkina, M. A. *Kommunikativnoe soprovozhdenie massovykh protestov v SMI* [Communicative support of mass protests in the media]. SPb.: Naukoemkie tekhnologii, 2022. 201. Available at: <http://discourseworld.ru/>.

Burnap, P., Williams, M. L. Cyber Hate Speech on Twitter: An Application of Machine Classification and Statistical Modeling for Policy and Decision Making. In *Policy & Internet*. 2015, 7(2), 223–242.

Colombo, M. The Representation of the "European Refugee Crisis" in Italy: Domopolitics, Securitization, and Humanitarian Communication in Political and Media Discourses. In *Journal of Immigrant & Refugee Studies*. 2018, 16(1–2), 161–178.

Corbu, N., Buturoiu, R., Durach, F. Framing the Refugee Crisis in Online Media: A Romanian Perspective. In *Romanian Journal of Communication and Public Relations*. 2017, 5–17.

Davidson, T., Warmsley, D., Macy, M., Weber, I. Automated Hate Speech Detection and the Problem of Offensive Language. In *Proceedings of the eleventh International AAAI conference on Web and social media (ICWSM 2017)*. 2017. [http://sdl.soc.cornell.edu/img/publication_pdf/hatespeech detection.pdf](http://sdl.soc.cornell.edu/img/publication_pdf/hatespeech%20detection.pdf).

Devyatyyarov, D. V. Rerezentatsiya setevogo freyma "Hostile encounter" / "Vrazhdebnoe stolknovenie" v angloyazychnykh internet-kommentariyakh [Representation of the Network Frame "Hostile Encounter" in English Internet Comments]. In *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. 2022, 3(93), 20–26.

Gavins, J., Lahey, E. (eds). *World Building: Discourse in the Mind*. Bloomsbury. 2016

Issers, O. S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow, Izd-vo LKI, 2008, 288.

Khabarov, A. A. Demonizatsiya Kitaya v zarubezhnykh massmedia: diskursivnye sredstva unichtozheniya misheney informatsionno-psikhologicheskoy voyny [Demonization of China in Foreign Mass Media: Discursive Means of Destruction of the Information and Psychological Warfare Targets]. In *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. 2022, 1(91), 78–89. DOI 10.26170/1999–2629_2022_01_08.

Khabarov, A. A., Chudinov A. P., Yan K. Obraz Kitaya v rossiyskikh i amerikanskikh SMI [The Image of China in Russian and American Mass Media]. In *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. 2022, 2(92), 159–171.

Kopnina, G. A., Skovorodnikov, A. P. O filosofskikh osnovaniyakh lingvistiki informatsionno-psikhologicheskoy voyny [About the philosophical basis of linguistics of information-psychological war]. In *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of language and communicative practice]. 2016, 1(6), 35–50.

Krzyżanowski, M., Triandafyllidou, A., Wodak, R. The Mediatization and the Politicization of the “Refugee Crisis” in Europe. In *Journal of Immigrant & Refugee Studies*. 2018, 16(1–2), 1–14.

Kushneruk, S. L. Freimirovanie predvybornoi politicheskoi situatsii v diskurse telegram-kanala [Framing of pre-election political situation in the Telegram channel discourse]. In *Medialingvistika* [Media Linguistics], 2022, 9(3), 220–236. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2022.304>.

Kushneruk, S. L. *Ideologicheskoe miromodelirovanie v kontekste informatsionno-psikhologicheskoy voyny* [Ideological world modeling in the context of information and psychological war]. Moscow, FLINTA, 2023, 232.

Kushneruk, S. L., Chudinov, A. P. Stanovlenie lingvistiki informatsionno-psikhologicheskoy voyny: metodologicheskaya neodnorodnost' i pervye rezul'taty [Linguistics of information-psychological war in the making: methodological heterogeneity and first results]. In *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of language and communicative practice]. 2019, 4(1), 105–118. DOI: 10.17516/2311–3499–081. Available at: <http://discourseworld.ru/>.

Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny. Kn. I. [Linguistics of information and psychological war. Book I]. (ed.) A. P. Skovorodnikov. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t, 2017, 340.

Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny. Kn. II. [Linguistics of information and psychological war. Book II]. (ed.) A. P. Skovorodnikov. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t, 2019, 488.

Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny. Kn. III. [Linguistics of information and psychological war. Book III]. (ed.) A. P. Skovorodnikov. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t, 2020, 344.

Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny. Kn. IV. [Linguistics of information and psychological war. Book IV]. (ed.) A. P. Skovorodnikov. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t, 2021, 340.

Nikiforova, M. V. Metaforicheskie obrazy rossiyskogo lidera v kontekste informatsionno-psikhologicheskoy voyny (na materiale statey zhurnala Foreign Affairs za 2021 god) [Metaphorical Images of the Russian Leader in the Context of Information and Psychological Warfare (On the Materials published in Foreign Affairs in 2021)]. In *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. 2022, 4(94), 70–80.

Ogneva, E. A., Stepanova, L., Chikovani, T. V. (2022). Modeling of text and discourse worlds. In *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. 2022, 8(1), 79–92.

Ruzhentseva, N. B. *Diskreditiruyushchie taktiki i priemy v rossiyskom politicheskom diskurse* [Discrediting tactics and techniques in Russian Political discourse]. Ekaterinburg, 2004, 294.

Sindoni, M. G. Direct Hate Speech vs. Indirect Fear Speech. A Multimodal Critical Discourse Analysis of the Sun’s Editorial ‘1 in 5 Brit Muslims’ Sympathy for Jihadis’. In *Lingue e Linguaggi*. 2018, 28, 267–292.

Skovorodnikov, A. P., Kopnina, G. A. Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny: k obosnovaniyu i opredeleniyu ponyatiya [Linguistics of information-psychological war: on substantiation and definition of the term]. In *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. 2016, 1(55), 42–50.

Skovorodnikov, A. P., Kopnina, G. A. O psikhologicheskikh osnovaniyakh lingvistiki informatsionno-psikhologicheskoy voyny [About the psychological basis of linguistics of information-psychological war]. In *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of language and communicative practice]. 2016, 2, 238–258.

Skovorodnikov, A. P., Kopnina, G. A. Leksiko-frazeologicheskie novatsii v russkom yazyke i rechi kak sledstvie informatsionno-psikhologicheskikh voyn: funktsional'no-pragmaticheskii aspekt [Lexico-Phraseological Neologisms in the Russian Language and Speech as a Consequence of Information-Psychological Warfare: Functional-Pragmatic Aspect]. In *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. 2022, 4, 31–40.

Thagard, P. *Mind. Introduction to Cognitive Science*. Cambridge: MIT, 1996.

Van Dijk, T. A. *Ideology and discourse: A multidisciplinary introduction*. London: Routledge, 2000.

Van Dijk, T. A. *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication]. Moscow, LIBROKOM, 2014, 344.

Van Dijk, T. A. Sociocognitive Discourse Studies In Richardson, J., Flowerdew, J. (eds). *Handbook of Discourse Analysis*. Routledge, 2016. URL: <http://www.discourses.org/OldArticles/Sociocognitive%20Discourse%20Studies.pdf>.

Wodak, R. Mediation between discourse and society: assessing cognitive approaches in CDA. In *Discourse Studies*. 2006, 8(1). 179–190.

Zamaldinov, V. E. Obraz politika – mishen' informatsionno- psikhologicheskoy voyny v mediakartine mira [The image of a politician as the target of information and psychological war in the media picture of the world]. In *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kurgan State University]. 2020, 1(55), 42–46.